

Кедр на добро щедр

Рубрика: Книги томичей

У этой книги особая судьба. Лет восемь тому назад писал я первую свою рецензию на первую книжку Александра Шелудякова. Это был сборник рассказов «Васюганские были», изданный в Томске. Сборник вызвал тогда весьма противоречивые оценки. Да и я в своей рецензии немало сделал автору упреков, касавшихся более всего литературного мастерства. Однако все читатели этих рассказов сходились на одном: автор досконально знает все то, о чем пишет, знает, так сказать, изнутри, как свидетель и даже участник событий, причем жизненный материал его рассказов настолько свеж и оригинален, что это обстоятельство как бы стирает литературную неопытность автора.

Я помню, как дал почитать эту книгу известному советскому писателю Николаю Евдокимову и как тот с большой заинтересованностью выпрашивал у меня, кто такой Шелудяков (а Александр тогда работал автослесарем), и с убеждением говорил, что в рассказах есть то, в чем всегда нуждается литература, есть то настоящее, без чего литература мертва.

Вот так состоялось первое знакомство читателей с Александром Шелудяковым. Кажется мне, что лишь один автор сборника, по крайней мере, внешне, был спокоен, выслушивая разные, иногда и резкие, суждения о его книге. Теперь это можно понять: уже тогда Александр Шелудяков жил большим полотном, которое задумал написать, он был переполнен мыслями о нем, и эти первые рассказы выплеснулись, как проба, как подступ к большой и трудной работе.

А потом действительно, без красочного преувеличения, были долгие годы труда, когда писать приходилось ночами, за счет отдыха, во время летних отпусков, а иной раз просто увольняться с работы, чтобы уехать на несколько месяцев в васюганскую тайгу и снова, и снова идти по охотничьим тропам, или нехоженными путями пробиваться в тайге с геологами, снова подниматься по стальным перекатам нефтеразведочной вышки к верховому рабочему, на то место, которое названо таким домашним деревенским словом – полати. Так писался роман.

И вот новая книга издана сотысячным тиражом в издательстве «Современник». Перед этим роман печатался в журнале «Молодая Гвардия», а сейчас готовится к изданию в серии «Молодая проза Сибири» и в роман-газете. Это тоже все судьба романа «Из племени Кедра», как окончательно он был назван. Судьба нелёгкая и счастливая, обычная и необыкновенная. Об этом вы догадываетесь, едва перевернув первую страницу и обнаружив, что предисловие к роману написали сразу два известных советских писателя – Иван Падерин и Василий Федоров. Прозаик и поэт. Согласитесь, что это тоже не часто случается.

Я закрыл последнюю страницу книги, но не утихают пережитые волнения, и я все продолжаю почти физически ощущать усталость от пройденных таежных дорог, запахи весеннего кедрового бора и удушливую горечь страшного лесного пожара, и как символ новой жизни васюганского края бензиновый аромат только что поднятого из глубин земли керна.

Трудно, а это свойство истинно художественного произведения, пересказать содержание романа «Из племени Кедра». Да и не хочется этого делать. Не потому, что будущий читатель может потерять интерес к книге. Нет! Прежде всего, потому, что интерес ее вовсе не в сюжете. Он в судьбах людей, в судьбах большого таежного края, в том, чтобы пройти вместе с автором, рядом с его героями по васюганским просторам. Но, конечно, есть в романе центральные герои, магистральные линии сюжета, которые при всей густоте событий и людей, живущих и действующих на его страницах, прослеживаются от начала до конца повествования.

Это Андрей Шаманов – сын эвенкийского племени Кедра, его мужество, его любовь и трагедия, его возрождение к жизни. Это охотник Илья Кучумов, который сходит с охотничьей тропы потому, что поманила и увела за собой его другая жизнь и другая работа – стал он геологом, нефтеразведчиком. Это поэтически приподнятый образ энтузиаста и мечтателя, молодого исследователя, звероведа Кости Волнорезова, отдавшего жизнь ради спасения людей, ни на секунду не усомнившегося в необходимости своего подвига. Видно, здесь нужно было бы назвать и обаятельную Таню Сухушину, и председателя артели Александра Гулова, и начальника первых в этих краях нефтеразведчиков Обручева. Все эти люди, если понимать название «племя Кедра» несколько символически, принадлежат к племени людей сильных духом и телом, готовых прийти на помощь в любую минуту и при любой степени риска, озабоченных в жизни не собственным благополучием, а радостью и счастьем близких, ибо без этого они не могут испытать и собственного довольства жизнью и работой.

В этой плеяде особое место занимает старая эвенкийка Югана, словно бы вобравшая в себя всю мудрость древнего племени Кедре. Я по-хорошему завидую Александру Шелудякову – как ему удалось так зримо, живо, без всякого нажима и передержек нарисовать этот образ! Да, Югана мудра. Она мудра, когда рассказывает суровые легенды своего народа, когда учит мужеству Андрея, которого считает своим сыном, когда рассуждает о непреходящих ценностях человеческой жизни, когда читает, как раскрытую книгу, тайгу, ее запутанную, тайную жизнь. Но Югана одновременно и наивна чистой детской наивностью, она, не знает хитрости и обходных путей к правде и добру.

Нередко поступки и слова Юганы вызывают улыбку. Вот, к примеру, ее отношение к богу-идолу.

«У дверей на вбитом деревянном костыле висит бог Огня и Удачи – Тугэт, вырезанный из кедрового полена. Тугэт охраняет дом от пожара, гнуса и страшных снов... Перед выходом на промысел Югана просит у Тугэта добычливой охоты, разговаривает с ним ласково, угощает костным мозгом и жиром». Но вот на охоте ружье Юганы дает две осечки подряд. Вернувшись домой, «Югана разнесла топором своего бога Огня и Удачи в щепки и бросила в печку». Она объяснила это так: «Нового Тугэта надо вырезать. Старый совсем обленился, не хочет помогать Югане».

Но если уже с самим богом Югана столь непосредственна и откровенна, то читатель может представить себе ее отношения с людьми.

С нетерпением ждешь, как отнесется к рождающейся новой жизни родного края Югана. Автор не скрывает, что были у Юганы причины и сердиться на некоторых, пришедших с теми, кто добывал из земли «керосин». Но именно через этот образ приходит приятие новой судьбы Васюганья.

«У Юганы праздник. Вернулись с буровой Андрей, Илья и Федор. Все сидят за столом. Всех Югана угощает. «Эти парни добыли из-под земли Голубой дух, запрятали его в трубы, в бочки, в бутылки. Хорош Голубой дух, машины кормит», – глядя на сидящих, думает старая эвенкийка... Она взяла привезенную с буровой бутылку конденсата, вынула пробку, понюхала уже не в первый раз и, счастливо зажмурив глаза, улыбнулась:

– Хороший дух! Хорошая белая нефть из Кучумова урмана вышла».

Так для Юганы естественным продолжением несметных богатств ее края, которые всегда были и всегда служили людям, становится открытие нефти и газа. Она рада, что ее родная земля может одарить человека новым сокровищем, и радость ее в этом случае вполне искренна: ведь эта женщина из племени Кедре.

Произведение Шелудякова написано весьма своеобразно. Автор смотрит на мир, на природу глазами таежника, что придает удивительную точность каждому описанию, делает неповторимым самый неприхотливый рассказ о житье-бытье в далеком селе на Югане (мы, земляки Шелудякова, понимаем, что речь идет о Васюгане, хотя роман имеет подзаголовок: «Юганская история»). И как все получается свежо и нетрафаретно.

«Шло на урез юганское короткое лето. Середина августа, но отощавшее солнце уже с ленцой поглядывает на землю, теряет лучи в низких облаках и тучах. Укорочен путь солнца...».

Мне все слышится в авторских описаниях природы, таежных походов и лесных примет, о которых читаешь с захватывающим интересом, неумолкающий голос Юганы, словно бы ведущий одну из ее легенд.

«Конец октября особенно не ярился на заморозки. Но осенний орел уже загнал в тучи лебедя и начинал помаленьку щипать, бросать на землю, первый нежный пух. Этот пух обрядил тайгу, как долгожданную невесту в ткань редкого узора. Соболь еще не замундирился в царскую свою зимнюю шубу, белка еще не совсем вычесала хвойным гребнем летнюю рыжину. Зато медведь уже раздулся от нагулянного жира, раздобрел, и стала его брать дремота».

Хотя я выбрал отрывки произвольно, они вовсе не случайны для романа, в них светится основная особенность манеры письма. Вполне допускаю, что, возможно, кому-то она и не придется по вкусу, современный читатель, привык к несколько иному стилю, но я не представляю роман Шелудякова написанным иначе, и, видно, в этом и состоит один из источников его художественной впечатляющей силы.

Как верно замечают в предисловии И. Падерин и В. Федоров, роман по внешней своей форме вроде бы состоит из отдельных сцен и зарисовок, «вроде бы мазки, мазки», а в целом все-таки складывается единая картина. Я бы продолжил это сравнение и сказал, что роман действительно напоминает мозаичную картину, и если подойти к ней совсем близко, вплотную, то можно увидеть кое-где и шероховатость, заметить, что отдельные кусочки мозаики не очень точно и плотно пригнаны друг к другу. Но вот отойдешь на несколько шагов, охватишь все разом и увидишь яркое выразительное

целое.

Не хочется об этой книге говорить традиционно и шаблонно: «несмотря на отдельные недостатки...». Книга заслуживает более душевного отношения и разговора, потому что автор был очень щедр, не пожалел он ни красок, ни человеческого тепла, не утаил ничего из того, что знает, что понял и почувствовал в людях, преобразующих наш край. Я думаю, что это чувство испытают и разделят со мной многие и многие читатели.